

себе качества объектом фонологии; 2) растворил эти гипостазированные качества в понятиях о качествах звуков. Таким образом, С. К. Шаумян дважды потопил звуки: один раз в дифференциальных признаках, другой — через эти признаки — в понятиях о признаках. Получается, что объектом фонологии являются не звуки речи и даже не признаки этих звуков, а лишь понятия об этих признаках.

Эти ошибки С. К. Шаумяна неминуемо приводят к отрыву мышления от языка. Ведь нематериальные понятия о дифференциальных признаках звуков не могут служить материальной оболочкой понятий о предметах реального мира!

Рассматривая дифференциальные признаки звуков как их сущность, а сами носители этих признаков — звуки — как видимость, данную нам в ощущении и восприятии, и считая, что сами по себе функции звуков являются объектом отдельной науки, С. К. Шаумян волей-неволей отрывает явления от сущности, а сущность от явлений и тем самым попадает в агностицизм и идеализм.

Утратив звуки как реальные единицы речевого потока, С. К. Шаумян не испытывает особых затруднений, так как с его точки зрения, физическое сходство или несходство звуков не имеет ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме (см. стр. 329). Все дело, согласно С. К. Шаумяну, в тождестве функций, а не в сходстве звуков. Но ведь если тождество функций не обусловлено сходством звуков, то функции повисают в воздухе, они оказываются оторванными от их материального носителя — звуков речи!

Получилось голое отношение функций без того, что является субъектом отношений. Здесь С. К. Шаумян приходит к релятивизму, за который он сам совершенно справедливо критикует последователя Карнапа датского фонолога Ельмслева.

Релятивизм — не случайные оговорки С. К. Шаумяна, это лейтмотив всей его статьи. С особенной наглядностью он выступает в том месте, где С. К. Шаумян рассматривает причины звуковых изменений. «Движущую силу развития фонологической системы, — пишет С. К. Шаумян, — составляет непрерывное взаимодействие между нефункциональными и функциональными факторами» (стр. 342). Имманентное стремление фонологической системы к устойчивости выступает как некая мистическая сила, являющаяся внутренним движущим функциональным фактором, определяющим жизнь всей системы фонем. С. К. Шаумян оторвал не только функцию от носителя этой функции, признавая борьбу между ними как движущую силу их развития, но и от всей системы языка — морфем, слов и т. п. Получился замкнутый в себе и для себя мир функциональных отношений, живущих своей собственной жизнью.

Метафизический разрыв предмета науки неизбежно ведет к разрыву науки об этом предмете. Оторвав функцию звуков от самих звуков, С. К. Шаумян оторвал фонологию от фонетики. Более того, он по существу ликвидировал фонетику как лингвистическую дисциплину. С точки зрения С. К. Шаумяна, фонетист изучает физические свойства звуков речи сами по себе, «тогда как фонолог рассматривает их как зеркало, в котором отражается различительная функция фонемы» (стр. 332). В этом положении заключены две принципиальные ошибки. Если различительная функция фонемы отражается в звуках, как в зеркале, то ведь функция оказывается совсем не связанной со звуками, подобно тому как предмет, отражающийся в зеркале, не связан с последним, так как он находится вне того, что отражает, он не является свойством зеркала.

Далее, если фонетика изучает только физические свойства звуков речи сами по себе, не касаясь их функции, то она превращается из общественной лингвистической дисциплины в один из разделов физики — акустику.